

Выдающиеся отечественные философы и педагоги совершенно однозначно указывали на невозможность вывести воспитание за рамки образовательного процесса. Так, известный русский философ и публицист Иван Ильин в одной из своих работ весьма точно и справедливо отметил: «Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, — и начинает злоупотреблять»¹. Возникает ощущение, что это было сказано не сто лет назад, а сегодня — в отношении некоторых дипломированных, но совершенно бескультурных выпускников университетов, не усвоивших даже элементарные формы поведения образованного человека в приличном обществе.

Сторонники онлайн-технологий в образовании постоянно утверждают, что современные электронные программы обучения успешно обеспечивают доступ студента к неограниченным объемам информации, позволяют компоновать учебный материал в зависимости от потребностей аудитории, предоставляют новые инструменты контроля успеваемости.

С формальной точки зрения это действительно так. Безусловно, машина без труда быстро посчитает количество правильных ответов на любое тестовое задание, определит процент успеваемости и освоения пройденного учебного материала. Однако главный вопрос заключается в том, насколько такая оценка будет соответствовать действительному положению дел.

Прежде всего, надо признать, что определение сформированности многих сложных компетенций и навыков с помощью формальных тестовых заданий не представляется возможным. Это задача, по крайней мере, на современном этапе, не имеет научного (методологического) решения. Тем не менее бюрократический аппарат системы образования делает вид, что никакой проблемы здесь не существует. И, например, во время аккредитации университета проверяет с помощью отвлеченных тестов то, что подобной проверке принципиально не поддается и не должно подлежать.

Как проверить, в частности, следующие общекультурные компетенции: «способность критически осмысливать социальные процессы» или «способность использовать достижения мировой духовной культуры для формирования собственного мировоззрения и духовного совершенствования»? По мнению бюрократически мыслящего чиновника это вполне можно сделать с помощью компьютерного теста. А по нашему глубокому убеждению, это возможно проверить только в реальной практической жизни, то есть через соответствующий социальный опыт, который выходит за рамки формализованного учебного процесса.

Электронные системы обучения предполагают жесткую стандартизацию и регламентацию образовательного процесса. Они неизбежно нивелируют персональные особенности ученика или студента и загоняют его разум в далекую от реальной жизни компьютерную дидактическую матрицу. Живой духовный процесс обучения, сакральное таинство развития скрытых способностей души приобретает вид обезличенной технологической штамповки или форматирования сознания, подобно механическому производству деталей на заводе. Однако в отличие от детали или компьютерной системы человеческое сознание всегда индивидуально и многослойно, а потому требует персонального подхода со стороны внимательного наставника.

Треушников Илья Анатольевич, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России;
Грязнова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

Право в информационном пространстве: основные противоречия и проблемы

Прежде чем говорить о праве в информационном пространстве, остановимся на основных теоретических моментах обозначенной проблемы. Согласно цивилизационному подходу исторический процесс делится на четыре типа цивилизации: архаическую, аграрную, индустриальную и

¹ Ильин И.А. О воспитании и образовании в грядущей России. Значение веры в педагогике. М., 2018.

информационную. В основе такого деления лежит технология. Технология в этом случае — очень широкое понятие, включающее в себя и технику, и способы работы с ней, и организацию технологического процесса, и знание, и информацию и др.¹ Что же касается информационной цивилизации, то в отличие от предыдущих стадий развития общества здесь во главу угла ставится не только экономическая компонента, но и информационная, которая, конечно же, связана с экономической составляющей. Не лишена и в настоящее время актуальности мысль Ф. Энгельса о том, что собственность является источником права². Если исходить из типологии собственности, в основании которой положены сферы общественной жизни³, то одним из источников правовых отношений в информационном обществе должна стать собственность духовного характера. Ее можно определить как отношения людей по поводу присвоения или отчуждения духовных благ. Данный вид собственности обладает своей спецификой⁴. Во-первых, многие ее виды носят идеальный и информационный характер. Чтобы быть отчужденной или присвоенной, она обретает материальный носитель. Во-вторых, при отчуждении такого вида собственности не всегда происходит как само отчуждение, так и присвоение в полной мере, как мы это привыкли видеть с материальными видами собственности. Например, покупка книги еще далеко не означает приобретение знаний, а передача знаний в процессе образования не означает, что преподаватель, отчуждая этот вид интеллектуальной собственности, лишается ее. Все это определяет сложность правовых отношений в данной сфере общественной жизни. В информационном обществе данный вид правовых отношений усложняется еще и тем, что большая часть духовных ценностей начинает приобретать виртуально-информационный характер, то есть распространяется в информационном пространстве, созданном информационными компьютерными технологиями и системами.

В результате развития информационного общества появляется параллельный мир — информационное социокультурное пространство, в котором все большее количество людей вынуждено и жить, и работать. В этом пространстве роль и место государства несколько иная, нежели в пространстве географическом. Например, Дж. О'Тоал говорит о сетевой структуре государства, кибернетическом праве и информационном ландшафте, которые существуют в информационном пространстве современного социума⁵. Об утрате статуса «географичности» государством в XXI веке пишет С. Шпигель⁶. Подобного состояния полностью существующие государства пока не достигли, но развитие государства как феномена движется в этом направлении. Сейчас многие страны сочетают физическое и информационное государственное пространство. В связи с этим появляется новый вид собственности, а следовательно, и права — информационное.

Новая информационная экономика, производя необходимые для общества информационные ресурсы, сама оказывается в зависимости от них, особенно интеллектуальных. Наиболее актуальным «новшеством» в политико-правовой системе общества и оказывается появление не только информационного государства, но и информационного права, которое должно защищать интеллектуальную собственность в информационном мире, обеспечивать защиту информации, а также предусматривать регулирование отношений между людьми в информационном пространстве.

Специфику воздействия информационного пространства на правовую жизнь социума определить сложнее, чем на жизнь физическую. Это воздействие носит не только актуальный характер, но содержит и спектр потенциалов, которые могут быть использованы в процессе принятия решений различными политико-правовыми субъектами. Социальные информационные отношения отличаются от реальных общественных отношений по очень многим параметрам. Так, возможная анонимность общения в информационном киберпространстве влечет за собой и своеобразные преступления,

¹ Грязнова Е.В. Информационная культурология как научное направление: философско-методологический анализ // Философия и культура. 2016. № 3 (99). С. 452—458.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, сор. 2019. 381 с.

³ Грязнова Е.В., Зеленов Л.А., Владимиров А.А., Треушников И.А. Теоретические основы атрибутивной концепции социального государства // Социодинамика. 2017. № 5. С. 44—71.

⁴ Грязнова Е.В., Гончарук А.Г. Теология как научная специальность магистратуры: проблемы и перспективы их решения // Вестник Мининского университета. Том 7. № 3. 2019. URL: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-3-1>

⁵ О'Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 208, 211.

⁶ Spiegel S. Traditional space vs. Cyberspace: the changing role of geography in current international politics // Geopolitics. 2000. Vol. 5. No 3. P. 115—116, 121.

которые поражают своим размахом, а главное совершенством. Речь идет, прежде всего, об информационных преступлениях и правонарушениях, информационном насилии и терроризме¹.

Согласно правовым аспектам государства, оно, по мере своего гражданско-правового развития, получая в свой арсенал информационные технологии, должно более эффективно выполнять свои социальные функции, такие как социальная защита населения, развитие здравоохранения, образования, культуры и других важных сфер общественной жизни². Происходить это должно согласно закономерностям, выражающимся в том, что чем сильнее «армия» у государства, тем больше у него возможностей защитить свой народ как от внешних врагов, так и от внутренних. Эту закономерность определил в своих работах Э. Тоффлер, который считал, что возможность держать под контролем информационные потоки есть реальная власть. По его мнению, информационные ресурсы, правильно распределенные, способны уничтожить бюрократию и сделать общество справедливым, то есть правовым³.

Но не стоит забывать, что путь к демократизации имеет и вторую сторону — путь к тоталитаризму. В информационном обществе информационные технологии, оказавшись на службе государственной безопасности, становятся и орудием тотального контроля и управления. В результате вместо социальной защиты граждане попадают в информационную зависимость от властных структур. Несовершенство информационного права сказывается и на других сферах общественной жизни информационного общества. Например, на сфере образования. Отсутствие на законодательном уровне эффективных правовых регуляторов информационных отношений в этой сфере приводит к тому, что ценным становится не образование, а диплом о нем. В результате во все сферы экономики хлынул поток безграмотных специалистов⁴. Аналогичная ситуация наблюдается в сфере здравоохранения и культуры, с которыми связаны основные социальные функции государства⁵.

Подводя итоги, можно отметить, что в информационном обществе наиболее острой оказывается проблема совершенствования норм традиционного права с учетом включения в его состав и норм права информационного, их согласованного развития, а не противостояния.

Мельцов Валерий Михайлович, кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях Нижегородской академии МВД России

Влияние цифровизации на развитие общественных процессов

Одним из малоисследованных феноменов, с которым общество сталкивается сегодня, является цифровизация или диджитализация — активное использование цифровых технологий в деятельности людей. Многие современные ученые убеждены, что будущее будет насыщено цифровыми технологиями и человек будет вести деятельность преимущественно в цифровой сфере. Мы считаем, что понятия «цифровизация» и «диджитализация» не идентичны, так как процесс указанных изменений касается не только устройств, но и людей, которые используют эти устройства для общения или в профессиональной сфере. Диджитализация (англ. «digitalization», дословно

¹ Гребеньков А.А. Информационные преступления и информационная преступность: монография. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2017. 255 с.; Дубко М. А. Неправомерное завладение компьютерной информацией как преступление против информационной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2018. 26 с.

² Грязнова Е.В. «Хрупкое» государство: критерии определения // Политика и общество. 2013. № 1 (97). С. 57—65.

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2009. 668 с.

⁴ Диев В.С. Болонский процесс, или дорога с односторонним движением // Вестник Российского философского общества. 2004. № 2. С. 32—36; Ильинский И.М. Образование в целях оглушения // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 3—30; Грязнова Е.В., Вересова Е.А., Михеева В.В. Проблемы информатизации управления образованием // Социодинамика. 2015. № 11. С. 144—157.

⁵ Грязнова Е.В., Есакова И.Н. Корпоративная информационная культура в менеджменте здравоохранения // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 5 (34). С. 816—825; Решетников В.А., Сквирская Г.П., Тимина Е.И. Проблемы подготовки специалистов по управлению здравоохранением // Общественное здоровье и здравоохранение. 2013. № 4. С. 15—20; Короткова М.Н. Политика государства в сфере здравоохранения: проблема дефицита кадров // Политика и общество. 2016. № 7 (139). С. 1008—1017; Мякина Е.В. Диагностика качества образования в вузе // Вестник Мининского университета. Том 7. № 3. 2019. URL: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-3-4>